

В. Лункевич

Н.К. Михайловский

Характеристика-эскиз

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В11

В11 **В. Лункевич**
Н.К. Михайловский: Характеристика-эскиз / В. Лункевич – М.: Книга
по Требованию, 2021. – 90 с.

ISBN 978-5-518-02530-1

ISBN 978-5-518-02530-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

«Моего критика очень обижает то обстоятельство, что меня называют иногда социологомъ. Какъ, молъ, такъ — называется социологомъ, а мундира, присвоеннаго этому вѣдомству, не носить и даже всѣ вѣдомства перепутать!..»

Н. К. Михайловскій.

I.

Собираясь писать о Михайловскомъ я не строю никакихъ иллюзій на счетъ характера и значенія своей работы «новыхъ словъ» изрекать не собираюсь, Америки открытъ не надѣюсь, исчерпать все міросозерцаніе Михайловскаго въ небольшой книжкѣ не дерзаю. Напротивъ, слова мои будутъ все «старья», Америка — давнымъ давно открытая, тема опредѣленная и скромная. Сводится она къ слѣдующему: установить основы социологическаго міровоззрѣнія Михайловскаго и показать, какъ освѣщаль онъ связь между біологіей и социологіей и какъ понималъ отношеніе между методами этихъ двухъ наукъ. Ограничивая такимъ образомъ свою задачу, я оставляю за собою право дѣлать попутно вылазки во всѣ сопрічастныя съ выставленной здѣсь темой «вѣдомства».

Дѣло извѣстное, что теорія Дарвина оказала громадное вліяніе на характеръ и развитіе социологическихъ воззрѣній. Съ одной стороны, сами дарвинисты не удержались отъ вполне естественнаго соблазна распространить свое ученіе на область социальныхъ явленій, съ другой — социологи, почувствовавъ въ принципахъ дарвинизма нѣчто безусловно жизнеспособное и творческое, попытались примѣнять ихъ къ объясненію явленій общественной жизни и историческаго процесса. Но и тѣ, и другіе обнаружили при этомъ удивительную прямолинейность мысли: принципы борьбы за существованіе, естественнаго подбора и расхожденія признаковъ были объявлены факторами не только социальнаго

процесса, но и социального прогресса. Борьба съ этой именно тенденціей къ прямолинейному мышленію и упрощенному рѣшенію крайне сложныхъ и запутанныхъ вопросовъ общественной жизни составляетъ одну изъ главнѣйшихъ заслугъ нашего соціолога.

Не менѣе извѣстно и то, что какъ органическая теорія общества, противъ которой ополчился Михайловскій, такъ и перенесеніе принциповъ біологіи въ область соціологіи цѣликомъ, между коими на *аналогіи* между организмомъ и обществомъ, между законами зоологическаго и законами социальнаго существованія. Отсюда понятно, почему вопросъ о научной цѣнности аналогическаго метода особенно занималъ Михайловскаго.

«Слѣдуетъ помнить,—писалъ онъ еще въ 1869 г.,—что аналогія не можетъ доказать, что въ двухъ аналогизируемыхъ обстоятельствахъ дѣйствуетъ одинъ и тотъ же законъ... Роль аналогіи чисто временная, и мы должны стараться, по возможности, скорѣе перешагнуть черезъ эту ступень, чтобы стать на болѣе прочную почву» *). Чтобы уразумѣть истинный смыслъ этихъ словъ, необходимо припомнить слѣдующее. Михайловскій придерживался классификаціи наукъ, данной Ог. Контъ. Въ общихъ чертахъ какъ классификація эта, такъ и основной принципъ, на которомъ она зиждется, остаются до сихъ поръ въ конкурренціи: лучшаго въ этомъ направленіи человѣческая мысль еще ничего не придумала. Математика, астрономія, физика, химія, біологія и соціологія—вотъ естественный рядъ наукъ, расположенныхъ по степенямъ возрастающей сложности подлежащихъ имъ отдѣльнымъ явленій и убывающей общности управляющихъ этими явленіями законовъ. Каждый членъ этого ряда пользуется данными и обобщеніями всѣхъ предыдущихъ наукъ, но въ то же время онъ заключаетъ въ себѣ нѣчто специфическое, не укладывающееся въ рамки тѣхъ толкованій, которыя вполне достаточны для пониманія явленій, изучаемыхъ науками низшаго порядка. Такъ, законы, выработанные механикой, физикой и химіей, имѣютъ очень широкое примѣненіе въ біологіи; но объяснить полностью всѣ жизненные явленія только этими законами, свести біологію хотя бы на физико-химію—задача химерическая. Точно такъ же и соціологія, высшій членъ контъовской іерархіи наукъ, примѣняетъ къ общественнымъ

*) Аналогическій методъ въ общественной наукѣ. Сочиненія, I, стр. 357.

явленіямъ законы, добытыя біологіей; но утопить соціологію цѣликомъ въ біологію—затѣя не менѣе безсмысленная. Говоря иначе: каждая наука имѣетъ свой спеціальнѣйшій остатокъ, нерастворимый въ обобщеніяхъ остальныхъ наукъ и имѣющій свои собственные законы; и чѣмъ сложнѣе явленія, изучаемыя тою или иною наукою, чѣмъ выше положеніе ея въ классификаціи, тѣмъ спеціальнѣе и свойственнѣй ей остатокъ. Чтобы аналогія, какъ неизбѣжный, хотя бы временный приѣмъ изслѣдованія, представляла какую-нибудь научную цѣнность, она обязательно должна удовлетворять слѣдующему условію: *нужно, чтобы она не выходила за предѣлы тѣхъ спеціальнѣйшихъ остатковъ, которыми характеризуется каждая данная наука.* Давно уже сказано: *comparaison n'est pas raison.* Аналогія между явленіями біологическими и біологическими-же, спеціально соціальными и соціальными-же способствовала всегда упорядоченію научной мысли и приводила иногда къ очень важнымъ выводамъ. Такъ, напримѣръ, аналогія между листовстемельнымъ побѣгомъ и цвѣткомъ, между конъюгаціей у низшихъ организмовъ и оплодотвореніемъ у высшихъ, между онтогенезомъ (исторія индивидуальнаго развитія организма) и филогенезомъ (родословная его) дала біологіи рядъ блестящихъ, строго научныхъ обобщеній. А къ чему привела, напримѣръ, аналогія между механизмомъ и организмомъ? Къ ряду натянутыхъ, бездоказательныхъ, ничего не объясняющихъ сближеній, которые раздули искру сомнѣнія въ наукѣ даже у самыхъ непритязательныхъ умовъ и воскресили изъ мертвыхъ блаженной памяти витализмъ. «Совершенно никакой цѣны,—пишетъ Михайловскій,—не имѣетъ аналогія между нѣкоторымъ спеціальнымъ остаткомъ и явленіемъ низшаго порядка или между двумя спеціальными остатками... Такова аналогія между организмомъ—остаткомъ біологіи, и обществомъ—спеціальнымъ остаткомъ соціологіи... Аналогія между борьбой за существованіе въ природѣ и конкуренціей въ обществѣ до извѣстныхъ предѣловъ законна, такъ какъ борьба за существованіе является результатомъ біологическихъ законовъ, которые имѣютъ мѣсто и въ обществѣ. Но не всѣ выводы этой аналогіи будутъ для насъ одинаково обязательны... Конкуренція несомнѣнно зависитъ отъ нѣкоторыхъ чисто біологическихъ законовъ, но общественныя отношенія представляютъ нѣчто, не встрѣчающееся въ остальной природѣ, а потому не невозможно, что конкурен-

ція въ обществѣ даетъ не тѣ результаты, что борьба за существованіе въ природѣ». И затѣмъ въ другомъ мѣстѣ: «Предметъ соціологіи есть общественность, кооперація, и потому, принимая отъ біологіи законъ борьбы за существованіе, соціологія обязана опредѣлить, какое направленіе принимаетъ борьба подъ вліяніемъ коопераціи; и если существуетъ нѣсколько типовъ коопераціи, то какъ вліяетъ каждый изъ нихъ. Она должна прослѣдить эти вліянія не только въ человѣческомъ обществѣ, а и вездѣ, гдѣ существуетъ кооперація, то - есть и въ пчелиномъ ульѣ, и въ муравейникѣ, и въ колоніяхъ низшихъ животныхъ. Добытые такимъ путемъ законы будутъ, дѣйствительно, соціологическіе законы и усмотрѣны они будутъ не съ біологической, а съ соціологической точки зрѣнія *)»).

Этотъ рядъ выдержекъ, который при желаніи можно было бы дополнить добрымъ десяткомъ другихъ, тождественныхъ, показываетъ наглядно, какъ представлялъ себѣ Михайловскій связь между такими сосѣдними областями знанія, какъ біологія и соціологія. Значенія законовъ біологіи для соціологіи онъ вовсе не отрицалъ. Напротивъ, все соціологическое воззрѣніе его, какъ увидимъ дальше, покоится на прочномъ фундаментѣ біологическихъ данныхъ и обобщеній. Онъ только настаивалъ на необходимости строго разграничивать сферу компетенціи различныхъ наукъ, онъ энергично протестовалъ противъ неудачнаго и незаконнаго вмѣшательства біологіи въ сферу специально общественныхъ явленій. А это далеко не одно и то же. Признавая законной связь между наукою о жизни и наукою объ обществѣ, Михайловскій не только сумѣлъ ясно формулировать ее, но и указалъ въ точности тѣ границы, гдѣ кончаются полномочія біологіи и начинаются автономныя права соціологіи. Это прежде и лучше всего обнаружилось въ данной имъ характеристикѣ *методологическихъ приемовъ* точнаго естествознанія и соціологіи. Я говорю о «субъективномъ методѣ», научную дѣйность котораго такъ энергично отстаивалъ Михайловскій на протяженіи многихъ лѣтъ, нерѣдко возбуждая противъ себя то недоумѣніе, то негодованіе.

Возможно ли абсолютно «объективное» изученіе соціальныхъ явленій? Доступна ли для человѣка хотя бы такая же «объектив-

*) Ibid., стр. 361, 362, 381.

ная» оцѣнка фактовъ общественной жизни, какую онъ примѣняетъ по отношенію къ явленіямъ окружающей природы? Возможно ли при изученіи социальныхъ явленій всецѣло отрѣшиться отъ того, что Михайловскій называетъ «предвзятымъ мнѣніемъ»? Обращаю вниманіе читателя на слѣдующее: выраженія Михайловскаго— «предвзятое мнѣніе» и субъективный элементъ въ социологію нужно понимать какъ *субъективизмъ антропоцентрический*, а не произвольно-индивидуальный.

Нелицеприятное, объективное изученіе той или иной группы явленій предполагаетъ въ изслѣдователѣ отсутствіе «предвзятаго мнѣнія» или, если хотите, наличность тенденціи видѣть вещи такъ, какъ онѣ есть, а не такъ, какъ ему хотѣлось бы ихъ видѣть. Нечего и говорить, что всякій добросовѣстный ученый стремится постигнуть вещи именно такъ, какъ онѣ есть, ищетъ возможно объективнаго знанія; и тѣмъ не менѣе предвзятое мнѣніе вторгается, помимо воли и сознанія изслѣдователя, въ процессъ его работы,— и не только вторгается, но часто *направляетъ* ее въ ту или иную сторону, а иногда и *предопредѣляетъ* характеръ тѣхъ выводовъ, къ которымъ онъ приходитъ. Исторія естествознанія, науки, сравнительно мало задѣвающей сокровенныя пружины человеческой души, подтверждаетъ это на каждомъ шагу. Два натуралиста сводятъ жизненный процессъ либо къ дѣятельности ферментовъ, либо къ обмѣну веществъ въ бѣлковыхъ соединеніяхъ, смотря по характеру исповѣдуемыхъ ими теорій, въ зависимости отъ того «предвзятаго мнѣнія», съ которымъ каждый изъ нихъ приступаетъ къ изученію занимающей его темы. Два біолога, изъ которыхъ одинъ склоненъ признавать наследственность приобрѣтенныхъ признаковъ, а другой отрицаетъ таковую, различно толкуютъ одни и тѣ же факты: первый подыскиваетъ для нихъ объясненіе въ духѣ дорогого ему «предвзятаго мнѣнія», другой дѣлаетъ то же самое во имя противоположнаго «предвзятаго мнѣнія». Два микроскописта, изслѣдуя одинъ и тотъ же препаратъ, видятъ въ немъ нерѣдко лишь то, что имъ диктуетъ «предвзятое мнѣніе» cadaго изъ нихъ. Такъ, на примѣръ, по Бюкли, всякая протоплазма и всякое ядро состоятъ изъ «ячеекъ», а для Альтмана содержимое любой кѣтки разрѣшается въ цѣлый микрокосмъ зернышекъ или гранулъ. Очень возможно, что и оба натуралиста, и оба біолога, и оба микроскописта одинаково стоятъ на ложномъ

пути; но возможно, что правъ который-нибудь изъ каждой пары изслѣдователей. Не въ этомъ дѣло. Для насъ важенъ лишь фактъ существованія «предвзятаго мнѣнія», то-есть безспорно субъективнаго элемента въ теоретическихъ построенияхъ естествовѣдѣнія вообще и біологіи въ частности. А если это вѣрно, то можно ли удивляться тому обстоятельству, что въ социологическихъ построенияхъ, то-есть тамъ именно, гдѣ индивидуальныя, групповыя, сословныя, классовыя и общечеловѣческія интересы влетаютъ въ процессъ изслѣдованія на каждомъ шагѣ, «предвзятое мнѣніе» играетъ несравненно большую роль? Гораздо удивительнѣе было бы обратное, ибо отрѣшиться отъ «предвзятаго мнѣнія» при изученіи явленій общественной жизни—все одно, что *отказаться отъ всего своего интеллектуальнаго и моральнаго сознанія*. На такую операцію полнѣйшаго самоопустошенія не способенъ ни одинъ человѣкъ, и менѣе всего способенъ тотъ, кто считаетъ себя призваннымъ не только дисциплинировать калейдоскопически-пестрый хаосъ общественныхъ явленій, но и осмыслить ихъ, направить по пути къ осуществленію *должнаго*, т.-е. правденнаго, справедливаго. Естествоиспытателя можетъ вполне удовлетворить одна лишь правда-истина. Соціологу этого мало: ему нужна и правда-справедливость. Онъ не станетъ калѣчить и фальсифицировать истину во имя справедливости; но онъ не удовлетворится и такой формулой справедливости, которая не согласуется съ истиной и построена, стало быть, на пескѣ. Что и говорить! Понятія истины и справедливости, которыми руководствуется соціологъ, въ значительной степени опредѣляются его «предвзятымъ мнѣніемъ» на этотъ счетъ, мнѣніемъ, которое въ свою очередь связано тысячею невидимыхъ нитей съ условіями возникновенія, роста и развитія всего его психическаго міра. Но опять-таки не въ этомъ дѣло. Важно лишь то, что субъективный элементъ въ соціологіи еще болѣе неизбѣженъ, чѣмъ, напримѣръ, въ біологіи, и что въ первой изъ этихъ наукъ онъ обуславливается не столько интеллектуальнымъ, сколько моральнымъ сознаніемъ изслѣдователя. «Вотъ двѣ книги,—пишетъ Михайловскій:—одна трактуетъ о явленіяхъ природы, другая—о явленіяхъ общественной жизни. Одна написана спокойно, безстрастно нацѣпляетъ фактъ на фактъ и безпрепятственно доходитъ до обобщенія. Въ другой не то. Вы видите, что человѣкъ захлебывается тѣми ощу-

щеніями, которыя возбуждаются въ немъ процессомъ передачи мысли; вы можете чуть не по каждой строкѣ судить о біеніи пульса писавшей руки; человекъ любить, ненавидѣть, смѣется, плачетъ; вы можете разглядѣть слѣды желчи и слезъ на бездушной бумагѣ. Изложеніе сбивчиво, неровно, рядомъ съ чисто-научною мыслью стоитъ ѣдкая полемическая выходка, вызовъ врагу, улыбка торжества и презрѣнія; тамъ опять безспорное наблюденіе, безспорный выводъ и опять дрожь и замираніе субъективныхъ взрывовъ!..» *) Это—драгоценныя строки, хотя натуралисту и отведено въ нихъ ужъ слишкомъ много олимпийскаго спокойствія и величаваго безпристрастія, что не совсѣмъ справедливо, конечно, ибо и ему не возбраняется «любить и ненавидѣть», увлекаться «ѣдкою полемическою выходкою», бросать «вызовъ врагу», выражать «торжество и презрѣніе». И тѣмъ не менѣе, повторю, это—драгоценныя строки: въ нихъ блестяще обрисованъ процессъ вторженія «правды практической земли» въ работу самоотверженнаго искателя «правды теоретическаго неба», въ нихъ, какъ нельзя лучше, показана роль субъективнаго элемента въ изслѣдованіяхъ соціолога. Я знаю другое, не менѣе замѣчательное въ этомъ отношеніи, мѣсто у Михайловскаго, и не могу отказаться отъ желанія напомнить его читателю, тѣмъ болѣе, что здѣсь особенно ярко отгѣняется характеръ того «субъективнаго элемента», значеніе котораго такъ велико въ соціологіи. Указавши на роль сочувственнаго опыта въ человѣческихъ отношеніяхъ, Михайловскій продолжаетъ: «Сочувственный опытъ вмѣстѣ съ опытомъ личнымъ, комбинируясь извѣстнымъ образомъ, входитъ въ наше психическое содержаніе и, на ряду съ категоріями истиннаго и ложнаго, устанавливаетъ категоріи пріятнаго и непріятнаго, желательнаго и нежелательнаго, нравственнаго и безнравственнаго, справедливаго и несправедливаго. Отрѣшиться отъ этой стороны эмпирическаго содержанія нашего я столь же невозможно, какъ произвольно вычеркнуть изъ своей памяти какія-нибудь знанія. Поэтому комбинація ощущеній и впечатлѣній, составляющая предвзятое мнѣніе, съ которымъ человекъ приступаетъ къ какому бы то ни было изслѣдованію, въ области общественныхъ отношеній осложняется нѣкоторымъ новымъ элемен-

*) «Что такое прогрессъ?» Соч., I, стр. 64.

томъ, элементомъ нравственнымъ. Вотъ почему Контъ былъ правъ, утверждая въ своемъ курсѣ философіи, что «только тѣ могутъ съ успѣхомъ заниматься соціологіей, чей нравственный уровень достаточно высокъ»... Случайно прорвавшееся у Конта положеніе не подлежитъ никакому сомнѣнію. Дѣйствительно, Бэконъ-предатель, взяточникъ, клеветникъ и вмѣстѣ великій мыслитель о природѣ возмуженъ,—фактъ на-лицо. Но Бэконъ-великій соціологъ *немыслимъ**) (Курсивъ мой).

Последнія слова о немыслимости Бэкона-великаго соціолога выдвигаютъ на очередь еще одинъ существенный вопросъ.

Мы видѣли, что устраненіе субъективнаго и при томъ совершенно опредѣленнаго, моральнаго, элемента изъ соціологіи невозможно. Но спрашивается, какъ понимать эту невозможность: есть ли это *неизбѣжное зло* или, наоборотъ, *необходимое благо*? Соціологія ставитъ себѣ задачей установить законы общественнаго устройства и развитія. Но это еще не все: у нея есть и *цѣли*—*нормировать общественныя отношенія, согласно опредѣленному соціальному идеалу. Телеологическій элементъ въ соціологіи не только неизбеженъ, но и необходимъ.*

Не разъ уже, сопоставляя методологическіе приемы соціологіи съ таковыми же приемами біологіи, указывали на то обстоятельство, что въ біологіи ученіе о цѣляхъ всегда придавало тенденціозную и потому, молъ, совершенно ложную окраску фактамъ организованной природы, тогда какъ въ соціологіи оно лишь способствовало правильному пониманію общественныхъ отношеній и должному освѣщенію соціальныхъ перспективъ. Такого рода указанія дѣлались и Михайловскимъ. Вполнѣ соглашаясь съ мнѣніемъ его на счетъ роли телеологическаго элемента въ наукѣ объ обществѣ, врядъ ли можно признать вполнѣ справедливымъ взглядъ не только Михайловскаго, но и многихъ натуралистовъ, на значеніе телеологіи въ наукѣ о жизни. Телеологія телеологіи — рознь. Никто теперь не станетъ отрицать эфемерность натуръ—философскихъ концепцій, рассматривающихъ біологическія явленія въ свѣтѣ ученія о «конечныхъ цѣляхъ природы», о «предустановленной гармоніи», о «намѣреніяхъ Верховнаго Разума» и т. д.: наука разъ навсегда покончила со всѣми этими фантазіями не

*) Ibid., стр. 134.

отъ міра сего. Однако отсюда еще не слѣдуетъ, что телеологическій элементъ окончательно изгнанъ изъ біологіи. Самъ дарвинизмъ—этотъ заклятый врагъ телеологіи добраго стараго времени—держится цѣликомъ на примѣненіи теологическаго принципа къ явленіямъ органической жизни: Дарвинъ только перенесъ центръ тяжести телеологіи съ туманныхъ надзвѣздныхъ сферъ на прозаичную землю. Вся теорія борьбы за существованіе и подбора есть въ сущности ученіе о возникновеніи и развитіи *цѣлесообразныхъ* формъ, цѣлесообразныхъ не съ какой-нибудь сверхъ-опытной точки зрѣнія, а въ смыслѣ полезныхъ приспособленій къ житейско-обиходнымъ интересамъ организма. Если это вѣрно,—а я думаю, что вѣрно,—то остается только согласиться, что телеологическій элементъ играетъ пока довольно видную роль въ біологическихъ изысканіяхъ: каждый біологъ, изучая живыя формы природы, обязательно попытается рѣшить, какое значеніе имѣютъ различныя части того или иного организма въ жизни его, насколько цѣлесообразно онѣ построены и насколько хорошо служатъ интересамъ ихъ обладателя. А это ужъ, согласитесь, телеологія, хотя, повторяю, и не та, что мечтала постигнуть сокровенныя мысли «Верховнаго разума» и проникнуть въ предвѣчныя тайны міроздавія.

Итакъ, даже біологъ дѣлаетъ порою экскурсію въ область телеологіи, хотя объектомъ его изслѣдованій и является нѣчто, стоящее далеко отъ его личныхъ переживаній. Радости и горести, побѣды и пораженія, интересы и цѣли какаго-нибудь носорога или ихтиозавра его мало трогаютъ; но все же онъ невольно считается съ ними изъ желанія всецѣло охватить и правильно освѣтить интересующее его біологическое явленіе. Почему же человѣкъ, трактующій объ общественныхъ отношеніяхъ *людей*, долженъ бояться телеологіи, какъ огня? Основательна ли такая боязнь? Справедливо ли такое требованіе? Михайловскій спрашиваетъ: «Законно ли устраненіе телеологическаго элемента изъ соціологическихъ изслѣдованій, можетъ ли объективный методъ дать въ соціологіи благіе результаты? Можетъ быть, соціологъ не имѣетъ, такъ сказать, логическаго права устранить изъ своихъ работъ человѣка, какъ онъ есть, со всѣми его скорбями и желаніями; можетъ быть, грозный образъ страдающаго человѣчества, соединившись съ логикой вещей, мститъ всякому, кто его

забудеть, кто не проникнется его страданіями; можетъ быть, объективная точка зрѣнія, обязательная для естествоиспытателя, совершенно не пригодна для социологіи, объектъ которой—человѣкъ—тождественъ съ субъектомъ; можетъ быть, вслѣдствіе этой тождественности, мыслящій субъектъ только въ такомъ случаѣ можетъ дойти до истины, когда вполне сольется съ мыслимымъ объектомъ и ни на минуту не разлучится съ нимъ, т. е. войдетъ въ его интересы, переживетъ его жизнь, перемыслитъ его мысль, перечувствуетъ его чувство, перестрадаетъ его страданія, проплачетъ его слезами?*) Всѣ общественно-философскія работы Михайловскаго, все міросозерцаніе его является научно-обоснованнымъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ. Соціологъ не можетъ отрѣшиться отъ своего моральнаго сознанія, соціологъ долженъ вести свое изслѣдованіе въ свѣтѣ глубоко прочувствованнаго и до конца продуманнаго общественнаго идеала; иначе въ обобщеніяхъ его будетъ отсутствовать самое главное, *двудеиная правда*— правда безмятежнаго, спокойнаго въ своемъ величіи неба и правда многострадальной, обливающейся потомъ, слезами и кровью земли. Таковъ смыслъ отвѣта, даннаго Михайловскимъ, таково содержаніе рекомендуемаго имъ субъективнаго метода въ социологіи.

«Ортодоксальный марксизмъ», какъ извѣстно, обрушился съ особенной энергіей на этотъ именно пунктъ воззрѣній русскаго соціолога, не имѣвшаго счастья носить мундиръ, присвоенный этому вѣдомству науки. Для меня лично остается совершенно непонятнымъ тотъ пылъ, съ которымъ «ортодоксальные ученики» вели свою атаку. Это, думается мнѣ, одно лишь недоразумѣніе. Кто, спрашивается, наговорилъ цѣлую кучу дѣльныхъ и пустыхъ рѣчей на тему о «классовой психологіи» и классовой идеологіи? Кто, кромѣ этихъ «объективистовъ», настаивалъ и продолжаетъ настаивать на «классовомъ характерѣ» общественной науки? А если классовая психологія и классовая идеологія кладутъ неизгладимый отпечатокъ на направленіе и характеръ изслѣдованій соціолога, то развѣ это не свидѣтельствуетъ о наличности субъективнаго элемента въ наукѣ объ обществѣ? Развѣ сами ортодоксы не обнаруживаютъ крайняго объективизма, толкуя при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ объ «интере-

*) Ibid., стр. 56.